Амбер Шейд

Владыки Ночи

Том I

18+

Амбер Шейд

Том I. Владыки Ночи

«Автор»
2026

Шейд А.

Том I. Владыки Ночи / А. Шейд — «Автор», 2026

Настоящий труд посвящён происхождению вампирского рода — от сотворения Первородных до установления законов, определивших судьбу их потомков. Здесь изложены обстоятельства их появления, годы разобщённого существования, история становления Союза и зарождение обрядов, позволивших бессмертным передавать свою природу смертным.

© Шейд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава I. Истоки Ночи 6

Амбер Шейд
Том I. Владыки Ночи

Предисловие

Сие писание не принадлежит миру смертных. Оно не создавалось ради удовлетворения праздного любопытства, равно как и не преследовало цели развеять людские заблуждения. Знания, заключённые в нём, слишком долго оставались сокрытыми, чтобы теперь безнаказанно переходить из рук в руки. И всё же, если эти страницы оказались перед тобой, значит, обстоятельства сложились вопреки намерениям того, кто их сохранил.

Не всякая тайна опасна тем, что может поведать. Иные таят угрозу уже в самом прикосновении к ним. Смертные привыкли считать написанное безмолвным и неподвижным, полагая, будто прочитанные слова остаются лишь в памяти. Но существуют письмена, которым не требуется ни голос, ни обряд, чтобы исполнить заключённую в них волю. Они сохраняют не только изложенное знание, но и след того, кто осмелился его постичь.

Посему не следует искать здесь утешения, обещания могущества или наставлений, способных возвысить человека над собственной природой. Перед тобой не собрание занимательных сказаний о ночных созданиях, но свидетельство об их происхождении, деяниях и законах. Не всякая истина заслуживает огласки, и не каждому дозволено распоряжаться ею по своему усмотрению.

Если благоразумие ещё способно удержать твою руку, закрой эту книгу и не возвращайся к ней. Не пытайся отыскать упомянутые здесь места, не произноси без необходимости имён, которые встретишь на последующих страницах. Оставь изложенное тем, кому оно принадлежит по праву, и позволь минувшему остаться погребённым под тяжестью веков.

Однако не обольщайся мыслью, будто отступление способно обратить время вспять. Можно уничтожить рукопись, забыть прочитанные слова и отречься от их истинности. Нельзя лишь сделать непрочитанным то, что однажды предстало перед глазами.

Отныне тени, что дремали в забвении, обратят на тебя свой взор. Если твой разум дрогнет, если душа твоя ослабнет под тяжестью неведомого, знай - ты был предупрежден. Отныне и вовек ночи твои не будут безмятежны.

Глава I. Истоки Ночи

В северных землях, где зимние ветры свободно проносятся над бескрайними равнинами, а горные ущелья на долгие месяцы оказываются погребены под снегом, некогда обитало существо, чьё появление впоследствии породило немало страшных сказаний. В ту пору поселения были немногочисленны и разделены обширными пространствами, изобиловавшими дикими зверями. Путешественники предпочитали собираться в небольшие отряды, запасаясь провизией и оружием, поскольку возвращение из продолжительных странствий зависело от множества обстоятельств, над которыми человек имел весьма ограниченную власть. Встречались и такие места, где следы прежних обитателей сохранялись лишь в развалинах каменных укреплений, давно утративших свои названия.

Ночной странник проводил долгие годы среди этих суровых краёв, переходя от одного поселения к другому и находя убежище в покинутых жилищах, горных пещерах либо под сводами древних развалин. Внешностью он походил на человека, однако суровые черты лица, холодный взгляд и необычайная неподвижность, с которой он порою наблюдал за окружающими, внушали беспокойство тем, кому доводилось оказаться поблизости. Дни его проходили в укрытиях, защищённых от солнечного света, а с наступлением ночи он вновь отправлялся в путь, ведомый жаждой, перед которой рано или поздно отступали все прочие побуждения.

Пищей чудовищу служила кровь, добываемая во время охоты, и долгое время оно не проявляло особенной разборчивости в выборе жертв. Одиноких путников настигало на дорогах, проникало в отдалённые жилища и подстерегало охотников, возвращавшихся из леса после наступления темноты. Насытившись, покидало место происшествия, оставляя тела там, где их застигала смерть. Временами проходили многие недели, прежде чем очередная находка обнаруживала обстоятельства, заставлявшие местных жителей опасаться появления неизвестного хищника.

Подобные происшествия долго оставались разрозненными, пока близ одного из северных поселений за непродолжительное время не обнаружили несколько обескровленных тел. Первым нашли молодого охотника, отправившегося проверить силки в ближнем лесу и не возвратившегося к условленному часу. Спустя несколько ночей погиб один из путников, остановившихся возле деревни, а вскоре подобная участь постигла пастуха, чьё тело обнаружили у заброшенной дороги. Сходство ран и обстоятельств смерти породило тревогу, которая быстро распространилась среди жителей.

Вскоре на окраинах появились вооружённые дозоры, а вдоль наиболее оживлённых троп начали разводить сторожевые костры. Мужчины сменяли друг друга в течение ночи, поддерживая огонь и внимательно прислушиваясь к звукам, доносившимся из ближайших зарослей. Между деревьями протянули верёвки, снабжённые небольшими металлическими пластинами, чей звон должен был известить о приближении незваного гостя. У некоторых проходов установили заграждения из заострённых кольев, вынуждавшие всякого, кто пожелал бы приблизиться к поселению, воспользоваться хорошо обозреваемой дорогой.

Несколько ночей хищник наблюдал за происходившим из леса, прежде чем вновь приблизился к привычной тропе. На этот раз возле небольшой рощи он обнаружил натянутую между деревьями верёвку, почти скрытую в густой траве. За нею, поодаль от дороги, мерцал огонь сторожевого костра, возле которого стояли несколько вооружённых людей. Один из дозорных держал длинное копьё, другой время от времени поднимался на пригорок, осматривая окрестности. В стороне ожидала собака, привязанная к вбитому в землю колу.

Обойдя заграждение, незнакомец приблизился к роще с другой стороны, однако животное вскоре почуяло его присутствие. Тревожный лай заставил дозорных подняться с мест, и несколько человек направились к деревьям, освещая дорогу горящими головнями. Суще-

ство укрылось за выступающим из земли валуном, пропуская преследователей мимо, однако один из них заметил движение среди зарослей и окликнул остальных. В следующее мгновение сквозь ветви пронеслось копьё, ударившееся о камень поблизости и осыпавшее снег мелкими обломками породы.

Ночной охотник стремительно покинул укрытие, сбив с ног оказавшегося на пути дозорного, и скрылся среди деревьев прежде, чем остальные успели приблизиться. За его спиной ещё долго раздавались крики, сопровождаемые лаем собаки и треском сухих ветвей под ногами преследователей. Мужчины разошлись по лесу, стараясь отыскать исчезнувшего чужака, но вскоре следы затерялись на каменистом склоне, где снег почти полностью был снесён ветром.

На следующую ночь он вновь приблизился к поселению, остановившись у границы леса. Сторожевые костры горели ярче прежнего, дозорных стало больше, а на ведущей к домам дороге возвели новое заграждение. Возле одного из огней стоял человек с перевязанной рукой, оживлённо рассказывавший товарищам о ночном столкновении. Его рассказ сопровождался многочисленными жестами, и всякий раз, когда он обращался к лесу, остальные невольно следовали за направлением его взгляда.

Чудовище покинуло эти земли в ту же ночь. В последующие годы его охоты стали осторожнее, а пребывание возле людских поселений — непродолжительнее. Впрочем, сам рассказ о таинственном хищнике пережил исчезновение незнакомца. Ещё много лет жители той деревни передавали друг другу повествования о существе, которого однажды видели среди зимнего леса, и с течением времени к действительным обстоятельствам прибавилось немало подробностей, порождённых страхом и воображением рассказчиков.

Дальнейшие странствия уводили его всё дальше от сурового севера. На смену заснеженным равнинам приходили лесистые предгорья, широкие речные долины и области, где древние дороги соединяли многочисленные поселения. Среди них встречались города, воздвигнутые на развалинах прежних укреплений, и небольшие селения, обитатели которых использовали для строительства камни, некогда принадлежавшие величественным сооружениям забытых народов.

В одном из таких поселений странник остановился возле старого святилища, часть которого местные жители приспособили под хозяйственные нужды. В основание деревянной пристройки оказались вделаны плиты с высеченными на них письменами, почти полностью скрытыми слоем земли, а возле источника лежала разбитая каменная голова, принадлежавшая некогда огромному изваянию. Он провёл значительную часть ночи среди развалин, очищая сохранившиеся изображения от грязи и рассматривая обломки, сложенные возле ограды. Под слоем нанесённой земли обнаружились ряды знаков, исполненных на языке, который уже давно не звучал среди обитателей этих мест.

Позднее подобные занятия стали сопровождать многие его странствия. Порою он надолго задерживался возле древних захоронений, где на каменных плитах сохранялись изображения людей в непривычных одеждах, либо исследовал святилища, от которых уцелели лишь основания колонн и отдельные участки мощёных площадок. Среди найденных предметов встречались глиняные сосуды, покрытые изображениями давно исчезнувших обрядов, обломки оружия, повреждённые временем украшения и плиты с письменами, начертания которых различались от одной области к другой. Наиболее заинтересовавшие его изображения странник переносил на дощечки, постепенно собирая собственное собрание знаков, надписей и рисунков.

Особенное место среди его находок занимали погребальные памятники. Имена людей, некогда распоряжавшихся обширными землями, воздвигавших крепости и повелевавших многочисленными подданными, сохранялись на плитах, возле которых давно уже никто не совершал поминальных обрядов. Иные надписи были почти уничтожены, другие ещё позволяли прочесть имена супругов, детей и предков, заботливо высеченные руками мастеров, чьи собственные имена исчезли вместе с их поколением. Он переписывал уцелевшие строки, вре-

менами задерживаясь над особенно древними начертаниями, и постепенно на его дощечках рядом с изображениями божеств и правителей стали появляться многочисленные человеческие имена.

Впоследствии среди этих записей возникло ещё одно имя, прежде не встречавшееся на найденных памятниках. Однажды, расположившись под уцелевшим сводом разрушенного святилища, странник отложил дощечку с переписанной надписью и взял другую, на которой оставалось достаточно свободного места. Некоторое время он держал резец над восковой поверхностью, затем медленно вывел несколько знаков, составлявших слово, избранное им для самого себя. Произнеся его вполголоса, он вновь обвёл последние начертания и оставил дощечку среди остальных.

Так появилось имя, которому суждено было сопровождать своего обладателя на протяжении последующих веков.

Мужчина нарек себя Эрнест и тех пор он пользовался им, когда обстоятельства требовали представиться, а позднее начал оставлять его и на собственных записях. Впрочем, многие из тех, кто встречал его на дорогах, по-прежнему довольствовались именем, услышанным однажды, и не проявляли особенного любопытства к происхождению незнакомца. Сам же Эрнест продолжал странствовать, собирая письмена, исследуя древние сооружения и сохраняя сведения о народах, чьи города постепенно исчезали под тяжестью новых времён.

Не однажды подобные исследования оканчивались бесплодными трудами. Разрушенные постройки редко позволяли восстановить первоначальное назначение каждого помещения, а сохранившиеся надписи могли оказаться столь повреждёнными, что даже тщательное изучение не приносило желаемых сведений. Случалось также, что местные обитатели принимали любопытство чужеземца за намерение потревожить захоронения предков либо похитить священные предметы, и тогда дальнейшее пребывание среди развалин становилось сопряжено с опасностью вызвать ненужные подозрения.

Во время одного из странствий Эрнест достиг обширной горной области, где старые тропы пролегали вдоль крутых склонов и глубоких ущелий. Поселения здесь располагались преимущественно в долинах, а земли, поднимавшиеся выше границы лесов, оставались почти безлюдными. По вечерам ветры приносили с гор прохладный воздух, наполнявший окрестности запахами хвойной смолы и влажной земли, тогда как в низинах медленно сгущался туман, скрывавший очертания далёких вершин.

На одном из склонов, среди зарослей и обломков породы, он обнаружил остатки древней дороги. Её широкие плиты местами глубоко ушли в землю, а сохранившиеся участки поднимались по склону уступами, чередуясь с разрушенными ступенями. Вдоль прежнего пути изредка встречались невысокие каменные столбы, на которых ещё можно было различить следы резного орнамента, почти стёртого ветрами и дождями. Некоторые лежали опрокинутыми среди корней, другие сохраняли вертикальное положение, отмечая повороты, где дорога исчезала под густыми зарослями.

Следуя вдоль старой кладки, путник время от времени останавливался возле обвалившихся участков, разыскивая продолжение дороги среди камней. Подъём занял значительную часть ночи. Несколько раз приходилось обходить глубокие расселины, пересекать участки осыпавшейся породы и возвращаться к уцелевшим плитам, вновь терявшимся среди высокой травы. По мере продвижения деревья редели, открывая вид на теснину между двумя отвесными утёсами, за которыми угадывалось более широкое пространство.

Пройдя через узкий проход, Эрнест оказался на краю небольшой долины, окружённой высокими скалами. Внизу, среди неподвижных деревьев и заросших каменных площадок, простиралось огромное строение, чьи колонны поднимались над окрестностью с величием, пережившим долгие столетия забвения. Широкий портик поддерживал резной фронтон, а над цен-

тральной частью сооружения возвышался купол, очертания которого ясно выступали на фоне ночного неба.

Древняя дорога спускалась к широкой лестнице, ведущей к главному входу, по обе стороны которого стояли высокие каменные фигуры. На выступах кладки темнели лишайники, в промежутках между плитами пробивались травы, а у подножия колонн лежали обломки давно осыпавшихся украшений. И всё же главная часть строения сохраняла прежнюю величавость, словно годы разрушения обошли её стороной, оставив нетронутым замысел тех, кому некогда принадлежало это место.

Он остановился на верхнем участке дороги, откуда открывался вид на всё святилище. Между скалами медленно проходили облака, временами скрывая луну, и тогда высокий купол погружался в тень, сохраняя лишь смутные очертания на фоне окружающих утёсов. Когда же серебристое сияние вновь озарило долину, над входом проступили изображения лунных серпов, составлявшие длинный резной фриз, а на массивных дверях обозначились ряды письмен, подобных которым путнику ещё не доводилось встречать среди исследованных развалин.

Спустившись по заросшей дороге, Эрнест приблизился к широкой лестнице, ведущей к главному входу. Вблизи строение оказалось ещё внушительнее, нежели представлялось с вершины склона: колонны поднимались к тяжёлому портику, украшенному изображениями небесных светил, а между ними возвышались две каменные фигуры, облачённые в длинные одеяния. Одна простирала раскрытую ладонь навстречу приближающемуся путнику, другая касалась пальцами собственных уст, словно призывая вступающего хранить молчание. У их подножий виднелись надписи, исполненные одинаковыми угловатыми знаками, глубоко врезанными в поверхность постаментов.

Эрнест задержался возле изваяний, рассматривая сохранившиеся письмена, затем поднялся к массивным дверям. За прошедшие столетия у порога скопилось столько земли и обломков породы, что нижняя часть створок оказалась почти полностью погребена под ними. Расчистив проход, странник ухватился за укреплённое в камне кольцо и потянул его на себя. Древнее соединение отозвалось протяжным скрежетом; из щелей посыпалась пыль, а одна из створок, медленно поддавшись усилию, открыла узкий проход внутрь сооружения.

За порогом простирался просторный притвор, охваченный полукружием колонн. Вдоль стен тянулись ряды барельефов, изображавших торжественные шествия, фигуры в длинных одеждах и незнакомые обрядовые предметы. Высокие окна пропускали лунный свет, ложившийся на пол широкими серебристыми полосами, тогда как дальние помещения оставались погружёнными в полумрак. Эрнест зажёг небольшой масляный светильник и двинулся вдоль колоннады, временами останавливаясь перед надписями, сходными с теми, что украшали наружный вход.

Внутреннее устройство святилища отличалось строгим порядком. Боковые помещения располагались вокруг большого центрального зала, отделённого от остальных частей здания высокой каменной перегородкой. Двери, ведущие в него, были украшены изображениями луны в различных её обличьях, заключёнными в три, вложенных друг в друга, круга. Каждый круг составлял отдельную подвижную часть, а между ними проходили тонкие щели, почти скрытые узором.

Возле нижнего края перегородки Эрнест обнаружил небольшой выступ, при нажатии на который внешнее кольцо сдвинулось на несколько делений. Из глубины кладки донёсся глухой стук, сопровождавшийся движением скрытого механизма, однако тяжёлые двери остались заперты. Последующие попытки привели к тому же результату: изображения меняли расположение, отдельные части устройства отзывались движением, а спустя некоторое время каменные ободы возвращались на прежние места.

Странник оставил запертую дверь и обратился к окружающим помещениям, где сохранились остатки древнего убранства. В одном из залов вдоль карниза проходило изображе-

ние ночного неба, под которым располагался ряд лунных фаз, разделённых небольшими знаками. Некоторые из этих начертаний повторялись на подвижных кольцах центральной двери, и Эрнест принялся переносить их на восковые дощечки, отмечая положение каждого относительно соседних изображений. Позднее он вновь вернулся к перегородке и продолжил работу, сверяя собственные зарисовки с резьбой на камне.

Исследование продолжалось несколько ночей. За это время дощечки покрылись многочисленными обозначениями, а возле выступов механизма появились небольшие отметины, оставленные остриём резца. Иногда поворот одного кольца приводил в движение другое, нарушая уже восстановленное сочетание; случалось и так, что тяжёлые ободы останавливались прежде, чем удавалось соединить нужные части рисунка. Эрнест возвращался к изображениям в боковом зале, исправлял записи и вновь приступал к работе, пока наконец разрозненные знаки не составили непрерывный порядок лунных превращений.

При последнем движении внутреннего кольца из глубины перегородки раздался тяжёлый металлический удар. Каменные створки дрогнули и начали медленно расходиться, открывая проход в главный зал. За ними простиралось огромное круглое помещение, окружённое высокими колоннами, поддерживавшими свод, завершавшийся широким отверстием, обращённым к небу. Через него проникало лунное сияние, освещавшее центральную часть святилища и оставлявшее пространство под колоннадой в мягкой полутьме.

В самом сердце Храма возвышался Фонтан, окружённый семью каменными фигурами, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Все они стояли лицом к центральному возвышению, держа руки перед грудью со сложенными ладонями, образовывавшими небольшие чаши. Из каждой пары ладоней струилась густая багровая жидкость, медленно стекая по пальцам и собираясь в отдельных углублениях у подножия. Оттуда семь потоков соединялись в широком круглом вместилище, опоясывавшем середину сооружения.

Фигуры были облачены в длинные одеяния, скрывавшие очертания тел, а выражения их лиц сохраняли торжественное спокойствие. При общем сходстве поз каждая обладала собственными чертами, различимыми в форме лица, причёске и отдельных подробностях убранства. Сохранность каменных образов особенно выделялась на фоне наружных частей Храма, где время успело разрушить множество украшений. Поверхность их рук оставалась гладкой, резные края одежд сохраняли чёткость, а багровые струи беспрепятственно скользили по пальцам, не оставляя на камне следов.

Над семью фигурами, на возвышении посреди Фонтана, стояла восьмая, превосходившая остальные размерами и величием. Она изображала женщину, облачённую в широкое одеяние, по которому были рассыпаны изображения звёзд. Голову её венчал полумесяц, а у основания пьедестала простиралась резьба, изображавшая распахнутые врата и уходящие в глубину ступени. Черты прекрасного, сурового лица сохраняли неподвижное величие; голова была запрокинута, а взгляд устремлён к открытому небу, словно семь существ, собравшихся у её ног, оставались вне её внимания.

Лунное сияние падало на венец возвышенной фигуры, переходило по её плечам и скользило вниз, к окружавшим пьедестал чашам. Багровая жидкость переливалась через внутренние уступы Фонтана и вновь появлялась в сложенных ладонях каменных созданий, совершая своё непрерывное течение. Звуки её движения почти терялись под высоким куполом, и лишь возле самого источника можно было различить слабый шелест струй, касавшихся поверхности наполненных ниш.

Эрнест приблизился к одной из фигур, задержавшись возле письмен, окружавших её подножие. Знаки эти отличались от начертаний у главного входа некоторыми подробностями, хотя отдельные сочетания повторялись с заметным постоянством. Обойдя Фонтан, странник последовательно осмотрел остальные постаменты и остановился перед восьмым, где надпись была исполнена значительно крупнее и занимала почти всю переднюю поверхность возвышения.

Здесь он провёл рукой по бороздам высеченных письмен, затем перевёл взгляд на изображённые у основания врата и запрокинутый лик каменной женщины.

Вернувшись к широкому краю источника, Эрнест опустил пальцы в багровую жидкость. Прикосновение сопровождалось внезапной дрожью, прошедшей по его руке и отозвавшейся в груди тяжёлым ударом сердца. Он отдёрнул ладонь, оставив на поверхности несколько расходящихся кругов, и долго рассматривал оставшиеся на коже капли, прежде чем те соскользнули обратно в чашу. Через некоторое время странник вновь приблизился к Фонтану и погрузил руку глубже, на сей раз удерживая её в жидкости значительно дольше. Лишь после этого он отошёл к ближайшему постаменту, достал дощечку и начал переносить на неё обнаруженные письмена.

Следующие ночи были посвящены исследованию центрального святилища. Эрнест изучал расположение фигур, зарисовывал изображения у их подножий и переписывал знаки, высеченные вдоль края Фонтана. Иногда приходилось вновь обращаться к надписям в боковых помещениях, сравнивая начертания и отыскивая повторяющиеся сочетания. Среди его записей постепенно появились изображения восьми статуй, подробные зарисовки центральной композиции и многочисленные строки письмен, происхождение которых оставалось предметом дальнейших исследований.

Часть помещений вокруг главного зала также заслуживала внимания. В одних стояли пустые каменные постаменты, в других сохранялись ниши, закрытые плитами с изображениями, сходными с украшениями Фонтана. Некоторые проходы были преграждены тяжёлыми дверями, механизм которых Эрнесту так и не удалось привести в движение. В глубине одного из покоев находилось несколько широких каменных столов, поверхность которых покрывали углубления и знаки, расположенные в определённом порядке. Странник оставил их изображения среди собственных записей, предполагая возвратиться к исследованию при следующем посещении.

С течением дней число собранных дощечек значительно возросло, и Эрнесту пришлось отбирать наиболее важные записи, чтобы разместить их в дорожной суме. Оставшиеся письмена он переписывал лишь частично, сохраняя расположение крупных знаков и особенности их соединения. Последняя ночь пребывания в Храме прошла возле Фонтана, где он завершил изображение центрального возвышения и вновь осмотрел надписи у подножия семи фигур.

Покинув святилище, Эрнест остановился под портиком и разложил собранные дощечки рядом с прежними записями, сделанными во время многолетних странствий. Среди старых заметок находились рассказы о людях, чьи имена встречались в свидетельствах различных поколений, о странниках, появлявшихся в отдалённых землях с промежутками в несколько десятилетий, и о существах, которых местные жители почитали духами, демонами либо забытыми божествами. Он долго перебирал записи, откладывая некоторые в сторону, затем перенёс на свободную дощечку названия нескольких земель, возле которых прежде оставил собственные пометки.

Древние ступени опустели, когда Эрнест собрал принадлежности и направился к дороге, уходившей из долины. За скалами простирались обжитые земли, соединённые торговыми путями с далёкими городами, и среди его записей уже значились названия мест, лежавших на значительном расстоянии друг от друга. Последние огни ночного неба скрылись за вершинами деревьев, а странник продолжал спускаться по старой дороге, унося с собою загадку Храма Луны.